

Linea_D

В СЕРИИ «ЛИНИЯ ДУШИ»
ВЫШЛИ КНИГИ:

Варя Еналь. «Напиши мне письмо»

•

Эльвира Смелик. «Серая мышь для королевы»

•

Анна Никольская. «Я уеду жить в „Свитер“»

•

Мария Евсеева. «Кроме меня, кроме нее»

•

Татьяна Богатырёва. «Загадай желание вчера»

Татьяна Богатырёва

Загадай Желание взвеса

МОСКВА
РОСМЭН
2018

Глава

1

В последний день лета ровно за год до того, как стать предателем, я ехала в метро и рыдала. Рыдать я начала еще на лестнице, как только вышла из нашего класса на третьем этаже. Спускалась и плакала. Это был такой предплач, когда глаза уже становятся горячими и их аж печет и ты уже ждешь — скорее бы пошли всхлипы, потому что дышать сразу станет легче. Заходя за угол школы, я уже подвывала. В метро снова стала плакать потише, а в громящем вагоне слезы лились вообще беззвучно. Мне нужно было на другой конец города, чтобы увидеть Петю, и плевать, что он на работе. Дома бы никто не понял. И хотя Петя сто пятьсот раз пытался запретить нам приходить к нему на смену, я была уверена, что единственный, кто может сделать хоть что-то, это он.

...Мы вышли во внутренний дворик. Изнанка красивого фасада — облезлый двор-колодец. Некоторые рестораны устраивают во дворе летние террасы, если нет места на линии. Но этот — нет. Петя по-хитрому пытался меня отвлечь этой мыслью, как бы между делом завел разговор о том, как ему нравятся черные ходы и подсобные помещения: мол, и на сцене есть закулисы, и в новостях в прямом эфире где-то за кадром прячется съемочный павильон. Заметил пятно на фартуке, стал развязывать пояс, чтобы не ходить в грязном.

Но тут я ему все это и выпалила. Собралась с силами и объяснила: то, что случилось, — это конец, конец, конец всего. Старалась говорить так, чтобы не получилось, как обвинение, что ну вот он же мне обещал, что будет новый учебный год и все наладится. Он говорил: потерпи. А теперь конец.

— Послушай, смурфик, — осторожно начал Петя.

Я пообещала ему, что, если он сейчас скажет, что это совсем не конец света, я его ударю. Прямо нацелюсь и двину кулаком, плевать, что я ему до груди дохожу. Но он не стал, потому что он умный, добрый и все понимает. Он сказал мне, что ему правда — заметьте — искренне-преискренне жаль,

что так все вышло. И что он правда понимает и верит, что мне обидно, плохо и тяжело. И еще сказал, что он давно уже заметил ужасную несправедливость: очень часто складываются такие обстоятельства или происходят такие вот события. Что если бы был такой фильм (я хотела возразить, что сам он фильм, никакой это не фильм, но он меня хорошо знает и предупреждающе поднял ладонь), то это был бы классный и эффектный конец, побуждающий зрителя задуматься и, может быть, даже поплакать, сделать выводы и все такое. Но вот история закончилась, а жизнь продолжается, более того, мол, дальше еще будут такие истории и еще. Сколько фильмов можно наснимать. Что-то в этом духе.

На том и договорились. Пообнимались, я поворчала насчет всех этих смурфиков. Это в детстве было действительно смешно, потому что мама купила мне как-то такую шапку гномичью, летнюю, она была великовата, и я носила ее, не снимая, очень нравилась мне эта самая шапка. Домашние прозвали меня смурфиком, так и приклеилось, у нас вообще приживаются всякие дурные имена, взять того же Карла...

Ждать в ресторане конца смены Петя мне не разрешил, и я поехала обратно. Домашним я ничего не сказала.

* * *

Уже лежа в постели, горько и трагически усмехаясь потолку, я думала о том, что жизнь тяжела и несправедлива. Представляла ее бессердечной такой синеватой теткой, которая прямо нарочно мне все эти каверзы придумывает. Потом стала злиться на людей. Злилась на нашу классную, теперь уже бывшую, вот так гнусно все провернувшую. Зачем было притворяться нашим другом, зачем врать? Раньше мне она казалась красивой, а теперь я от этой своей злости аж прозрела и поняла, как сильно она походит на жабу. Из-за лица и из-за веса. Я никогда над ее весом не смеялась, и не потому, что мама запрещает нам смеяться над увечьями людей (а такое количество жира — это, конечно, увечье), а потому, что Анна Эдуардовна была действительно классной. «Классной» классной. Харизматичной личностью, такого человека когда начинаешь слушать, забываешь, как он выглядит, и видишь его очень красивым. Это как любовь.

Вообще она вела литературу у старшеклассников, и классной была у одиннадцатого «А», как раз литературного. И они много чего веселого делали — приносили на семинары гитары и чертили карты с маршрутами героев книг, ездили в Финляндию как-то, такие туры есть, как говорит мама, «галопом по евро-

пам». И класс поэтому был дружный и интересный, и учились в нем всякие интересные личности. Учились, учились и выпустились. И она, эта удивительная двухсоткилограммовая женщина, согласилась взять нас под свое крыло. На целых пять лет, до самого конца! Я уже видела мысленно все эти увлекательные вещи. Я так ждала нового учебного года, все лето ждала. Дождалась, называется. Она, видите ли, переходит в какой-то там центр духовного развития. Чтобы там веселиться, и петь, и играть на гитаре. А у нас опять начнется смена классных руководителей, а их, между прочим, за предыдущие шесть лет мы сменили уже шесть штук! Потому что мы — самый неуправляемый, самый переполненный, самый унылый класс во всей школе. Никто не выдерживает. Однажды была даже Алешина классная руководительница, химичка, потому что в нашем дурацком классе учится ее сын, но ее вообще хватило только на полугодие.

Вернулся с работы папа, мама кормила его на кухне. Потом к ним зашел Петя, и они принялись шушукаться. Мне стало жарко: неужели он расскажет родителям? Одни предатели кругом. Я вскочила, чтобы подойти к стене, которая разделяет нашу комнату и кухню. Нащупала ночник, и при свете у стены обнаружился Карл. Я живу в аду. В настоящем

дурдоме. Здесь ничего невозможно сделать незаметно и нигде нельзя уединиться.

Мы стали слушать.

— Че-то там разорвалось у них. Разорванное доверие, — пояснил мне Карл.

— Подорванное, даун.

— Сама!

Петя и вправду дошел до такой гнусности, что взял и рассказал маме, как я ревела из-за предательства классной. Мама говорила что-то насчет непонимания, как она не понимает, что я не рассказала про это ей. Папа хлюпал супом — он всегда ужасно смешно хлюпает, особенно когда уставший, и мама вполголоса делала ему замечания. Хотя, как по мне, так пусть хлюпает! Тем более ночь, никто же не видит.

Я хотела послушать, что еще интересно-го они там скажут в своем «мире взрослых», который они так ревностно оберегают и куда нам вход заказан (а потом еще удивляются, чего это я им душу не изливаю и своими проблемами делиться не желаю!), но тут со своей кровати подал голос Алеша, который то ли не спал, то ли мы его своей толкотней разбудили, и просипел, чтобы мы «валили» спать. Потому что ему вставать раньше всех. Но, надо сказать, тут тоже не совсем справедливо, — он со своими тренировками встает на полтора часа раньше нормальных людей со-

